

Михаил ЖИЛИН

НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ У РОБИНЗОНОВ

— Ау-у-у! Есть ли кто в палатке?

В ответ ни звука. Лишь грохот океана, опрокидывающего тяжёлые пенистые волны на каменный берег острова. Да тревожные крики чаек, суетящихся у скал.

Я обошёл вокруг палаток, стоящих на каменном основании у небольшой лужи. Где же жильцы?

Мне было известно, что на этом необитаемом островке в Тихом океане вот уже третий месяц живёт робинзоном Людмила Фирсова, научная сотрудница Зоологического института Академии наук (город Санкт-Петербург).

Я познакомился с ней в Петропавловске перед её отъездом в экспедицию. Она подтвердила, что с весны до осени на островке Арий камень будет изучать морских птиц.

Невозможно было представить, как эта хрупкая, тоненькая, как былинка, девушка сможет жить и работать в одиночестве на каменном островке в океане, да ещё в условиях штормовых ветров и дождей, которые характерны для этого района земного шара. Это же не Васильевский остров и Невский проспект с благами цивилизации.

Зная от наших общих знакомых о моём пристрастии к фотосъёмке птиц и зверей, Людмила согласилась на мой приезд в экспедицию.

Арий камень — это один из четырёх Командорских островов. Два крупных — Беринга и Медный — можно отыскать на географических картах восточнее полуострова Камчатки. А два маленьких необитаемых — Арий камень и Топорков — помечены лишь на специальных картах да в морских лощах.

Добраться на эти острова в Тихом океане оказалось делом не таким простым, как представлялось в воображении. Неделью пришлось маяться в аэропорту Петропавловска. «Рейс на Командоры отменяется по метеоусловиям...» — с грустью слушаем мы объявления каждый день.

Командоры — колыбель ветров, штормов и туманов. Солнце здесь редкость. И когда оказываешься на борту самолёта и видишь внизу бескрайнюю голубую ширь океана — горечь долгого ожидания сменяется радостью надежды на скорую встречу с таинственными берегами.

Подлетая к острову Беринга, я с любопытством вглядывался в иллюминатор, боясь пропустить желанный кусочек суши. В лощи Берингова моря о нём говорится: «Остров Арий камень, высотой 46 метров, представляет собой вытянутую по меридиану скалу с несколькими зазубренными вершинами...»

И вот он, торчащий из воды двугорбой вершиной среди белопенных волн океана. А чуть слева

его сосед — остров Топорков. Они, как спутники, держатся на виду своего старшего командорского брата.

С острова Беринга Арий камень казался странной птицей, оставшейся с доисторических времён. Лучи заходящего солнца превратили его в сказочную жар-птицу, ещё более заманчивую и привлекательную. Казалось, её хвост вот-вот окажется в наших руках. Остаётся лишь сделать последний бросок. Увы, знакомство откладывалось на неопределённое время.

К ночи облака сгустились, развесили тёмное покрывало, и птица чёрным горбатым силуэтом распласталась на ночлег среди волн.

А утром грянул шторм.

Всего двенадцать километров отделяли нас от Арьега камня, но грозные бушующие волны делали его недоступным.

На четвёртые сутки Нептун, наконец, усмирил свой гнев. Когда катер доставил нас к Арьему камню, оказалось, что высадка может не состояться. Удобных мест для причаливания здесь нет. Обрывистые скалы, окружённые рифами, прямо из океана устремляются к облакам. Я с ужасом смотрел, как океанский прибой в белую пыль разбивает водяные валы о каменистый берег. Неужели придётся возвращаться?

— Попробуем высадить, — успокоил капитан катера.

Матросы спустили шлюпку и сели за вёсла. Я перекинул им рюкзак и прыгнул в шлюпку.

Балансируя на волнах, матросы повели её через промоину между подводным рифом и скалой. Шлюпка пляшет на волнах, ударяется бортами о выступающие из воды верхушки камней. Через несколько минут приближаемся к каменной гряде, опутанной лентами морской капусты. Здесь предстоит высадка.

Уловив момент, когда борт шлюпки поравнялся с оголившимся камнем, по команде матросов прыгаю на выступ. Сапог предательски скользнул по лентам морской капусты, но я успеваю ухватиться за торчащее ребро камня. Подошедшая волна окатывает брызгами с йог до головы. Но я доволен: наконец-то оказался на островке.

Первое впечатление — попал на другую планету. Никогда прежде не приходилось видеть такое огромное скопище живых существ на маленьком кусочке суши в океане.

Птицы явно возбуждены нашим вторжением. Белой метелью кружатся над нами чайки-моёвки. Ай-айя! Ай-айя! Истошные вопли, душераздирающие всхлипы и стоны. К ним присоединяются резкие крики белогрудых кайр, заволновавшихся на террасах: «Арр-арра! Лрр-арра!» Со склонов, поросших травой, вспорхнули красноклювые топорки и плюхнулись в воду.

Птицы везде — над скалами, у гнёзд, внизу у берегов, на воде. Мельканье крыльев, всплески воды. Суета, оглушающие крики и шум. Такое ощущение — попал на какой-то огромный базар — вселенское торжище. Становится понятным, почему такие массовые скопища морских птиц на скалистых утёсах получили название — птичьи базары.

Матросы переправили мне рюкзак и ушли к катеру.

Стою, размышляю: что предпринять?

Островок небольшой. Но куда идти? Вокруг хаотичное нагромождение валунов, обрывистые скалы, вершины которых скрыты в тумане.

Где же искать палатки? На какой стороне острова?

Среди камней обнаруживаю вдруг еле заметную тропинку, которая ведёт вверх. Иду по ней, боясь потерять из виду. Хватаясь за космы травы, подтягиваюсь на каменную плиту. Карабкаюсь по скалистому откосу и, наконец, достигаю вершины. К удивлению, на противоположной стороне островка нет тумана. Ощупываю взглядом берег. И вдруг замечаю голубые крылья палаток. Быстро спускаюсь вниз, прыгаю по камням, почти бегом приближаюсь к палаткам. Но возле них никого не видно и не слышно.

Разочарованный, поворачиваю назад. Вокруг столько занимательных сцен — чайки затеяли драку, кайры несут в клюве рыбёшку птенцам. Только бы сфотографировать. Но сейчас не до снимков. Мне надо найти Людмилу.

Грустные мысли одолевают меня. А вдруг что-то случилось? Смыло волной, упала со скалы... Да мало ли что может быть?

Я и сам, бывая в экспедициях, по неопытности и неосторожности попадал в экстремальные ситуации. Поддавшись страсти поближе подобраться на скалах к объекту фотосъёмки, лез на рожон, забывал об опасности и оказывался почти в западне. А потом с трудом и немалыми потерями выкарабкавшись из неё, удивлялся: как меня угораздило оказаться в ситуации, когда в этом не было никакой необходимости, да и результаты в конечном итоге оказывались ничтожными.

Иду, размышляю, отгоняя от себя мрачные мысли. Бросаю взгляд в сторону на скалу, где чайки затеяли перепалку. И вдруг замечаю у подножья скалы маленькую квадратную палаточку, обтянутую брезентом. На фоне пёстрых скал она почти незаметна. Подхожу ближе. Кайры, сидящие на террасе чуть ниже гнёзд чаек, заволновались и резко закричали.

Ау-у! Есть ли кто здесь? — неуверенно спрашиваю я.

Слышу шуршание в палатке. В узком проёме показывается сначала капюшон брезентовой штормовки, потом очки — из палатки выкарабкивается Людмила. Недоумённо смотрит на меня: что за посторонний человек объявился?

Ты как здесь оказался? — наконец спрашивает она.

На катере пришёл.

А я ничего не слышала. Наблюдаю за птицами и вдруг замечаю: кайры почему-то всполошились, не иначе кого-то постороннего увидели.

И тут же спрашивает:

Почту привезли?

Привезли и почту, и воду.

Спускаемся на берег. По пути выясняется: Людмила на острове не одна. Здесь ещё одна научная сотрудница — Эльвира Михтарьянц из Владивостока. «Где-то среди скал ведёт наблюдения за своей группой птиц», — пояснила Людмила.

Матросы уже доставили груз на берег. А сами с борта катера ловили на удочки рыбёшку. Увидев Людмилу, они подошли на шлюпке к берегу и передали почту.

Удивительно было наблюдать, как Людмила, отойдя в сторону, вскрывала конверт за конвертом и торопливо вчитывалась в долгожданные строки родных и друзей, живущих на другом конце страны за тысячи километров — на берегу Балтийского моря.

Катер отчаливает. Я остаюсь на островке с робинзонами. Через неделю капитан обещает придти за мной, если будет погода.

Людмила ведёт меня в экспедиционный лагерь. Три палатки поставлены прямо на каменной плите рядом с мелким грязноватым озерцом, по которому бродят чайки.

В одной палатке живёт Эльвира, в другой — Людмила. Под натянутым тентом — кухня и склад продуктов в палатке. В бидонах пресная вода. Её привозят с острова Беринга — на Арьем камне питьевой воды нет. «Вода только для приготовления пищи и чая»,

уточняет Людмила. — Умываемся морской водой — она недалеко в промоинах между каменными грядами».

Вскоре подошла Эльвира Михтарьянц. Высокая, стройная, смуглая южанка. Она научная сотрудница биолого-почвенного института во Владивостоке. «Каким образом оказалась на Дальнем Востоке? После института получила направление. Понравилось. Ну, а сюда привела работа орнитолога».

Эльвира первый сезон на Арьем камне. «В прошлом году вела наблюдения за птицами на острове Топорков — это ближе к острову Беринга. Всё лето провела на островке одна. Так же, как и сюда, питьевую воду привозили в бидонах».

Эльвира изучает птиц из семейства чистиковых. «Это кайры, топорки, конюги, белобрюшки... — уточняет она. — Словом, все, кроме чаек».

Вечером за разговором робинзоны посвящают меня в правила поведения и безопасности на островке. «Кого же здесь опасаться?

спрашиваю я. — Хищных зверей на островке нет!» Оказывается, остерегаться следует... клещей. Откуда клещи? Птицы заносят. Клещей здесь действительно много. В гнёздах, на траве. Сядешь на траву или камни, они переползают на одежду. Приходится осматривать её. По несколько штук клещей снимаем почти ежедневно». Вирусологи, работавшие здесь, обнаружили у клещей штаммы гонконгского гриппа и, кажется, энцефалита. Случаев заболеваний опасной болезнью, правда, пока не было. «Но надо быть бдительным. Как говорится, бережёного Бог бережёт».

— Ну и ещё. Птиц на контрольных гнездовых участках, где мы наблюдаем за их поведением, беспокоить нельзя. Без нашего разрешения туда не ходить, — предупреждают меня робинзоны. — И

осторожно надо вести себя на скалах — крутых и скользких. В целях безопасности желательно ставить нас в известность, где будешь вести фотосъёмку.

Так, не успев насладиться свободой на необитаемом острове, я оказался в тисках кодекса правил поведения, который установили робинзоны.

Вечером долго не могу уснуть — мерный шум прибоя нарушают крики чаек. Неожиданно они поднимают громкий галдёж и долго не могут успокоиться...

С утра густые облака прячут солнце. Оно пытается пробить их лучами то в одном месте, то в другом. В образовавшееся окошко врывается огненный снап, но облака сгущаются и задёргивают штормовую пелену. На небесном Олимпе идёт сражение. Но солнце всё активней проявляет себя, давая понять: сопротивление бесполезно. Облака расходятся, уплывают за горизонт, открывая путь хоть и не жарким, но всё же ласковым и желанным лучам.

Людмила Фирсова идёт наблюдать своих моёвок и по пути знакомит меня с обитателями острова. Она шагает быстро, легко перепрыгивая с камня на камень. Я еле поспеваю за ней, нагруженный фотоаппаратурой. Людмила на Арьем камне второй сезон, знает каждую кочку, каждую скалу, на которой гнездятся те или другие птицы.

С предосторожностью обходим гнёзда крупных серокрылых чаек, поднявших тревогу и готовых защищать шевелящиеся пушистые комочки.

Карабкаемся по кручам, хватаясь за космы травы.

С каждого выступа, из каждой ниши за нами настороженно наблюдают птицы.

Тысячи глаз внимательно следят за каждым шагом.

Тысячи ушей чутко ловят малейшие звуки.

Тысячи голов поворачиваются, оценивая степень опасности: остаться на месте? Взлететь?

Останавливаемся у террасы, где вплотную друг к другу стоят шеренгами кайры. Их громкие, резкие крики выделяются на фоне птичьего многоголосья.

— App-арра! App-арра!

На маленьком островке гнездятся около двух десятков видов птиц — чайки, бакланы, топорки, конюги, белобрюшки, ипатки. Но колонии кайр, пожалуй, самые приметные — и по внешнему виду, и по громким крикам. Спутать их ни с какими голосами невозможно. Местные жители называли этих птиц арами. Отсюда и название островка — Арий камень.

Поднимаемся на вершину высокой скалы и слышим вдруг странные звуки — учу-чуфф!

Оглядываюсь вокруг: что бы это значило?

Киты пасутся, — Людмила показывает в сторону океана. — Вон они, целая семья.

Я хватаюсь за фотоаппарат, пытаюсь поймать момент, когда кит покажется на поверхности воды.

С апреля по октябрь здесь пасутся разные виды китов — клюворылы, косатки, финвалы, кашалоты. Командорские острова лежат на границе Тихого океана и его северной акватории Берингова моря. Глубинные течения на стыке холодных северных вод и более тёплых океанских создают условия

для обитания различных животных. Здесь водятся рыбы, кальмары, осьминоги, крабы. Они привлекают птиц и морских зверей.

Вокруг островка видим плавающих морских котиков и сивучей — охотятся за рыбой. С вершины скалы хорошо виден Северо-западный мыс острова Беринга. Там лежище морских котиков, а рядом с ними залегают и сивучи.

Пока мы разговариваем, совсем рядом у берега снова раздаются звуки — учу-чужф! Всего лишь мгновение показывается на поверхности кит, чтобы запастись свежим воздухом, и тут же мелькнувший плавник уходит под воду.

Вон, посмотри, рядом с китами кормятся стаи моёвок, кайр и глупышей. Утром иногда видны всплески рыб. Вспугнутая китами рыба выскакивает к поверхности воды. Это и привлекает сюда морских птиц.

А вот и мой наблюдательный пункт, — говорит Людмила, указывая на уже знакомую палаточку-засидку у подножья скалы, облепленной чайками-моёвками.

Размер её смутил бы любого человека. Обтянутый плотной мешковиной квадратный каркас из деревянных реек размером примерно метр на метр позволял находиться наблюдателю только в сидячем положении.

Здесь я веду наблюдения за моёвками — красноногой и черноногой. Моя цель — выяснить всё, что касается жизни всех трёх видов чаек: их биология, поведение, связи со средой обитания, взаимоотношения с соседями по гнездовью.

На Командорских островах зарегистрировано 12 видов чаек. Но регулярно гнездится здесь только три вида — серокрылые чайки и два вида моёвок. Остальные встречаются на пролёте, случайно залетают, или их заносит циклоны. Прежде стационарные исследования этих птиц здесь не проводились. Между тем серокрылые чайки и красноногие моёвки — редкие и малочисленные виды в фауне России. Они обитают в нашей стране только на Командорских островах. «Уже одно это, — подчеркивает в разговоре Людмила, — заслуживает их изучения и охраны. Но есть ещё и другой аспект: совместное обитание позволяет одновременно изучать все три вида в природной обстановке, что может облегчить выявление черт видовой и родовой специфики, и на этой основе проследить пути эволюции каждого вида».

— Как только забираешься в засидку, птицы быстро успокаиваются и ведут себя естественно, — заключает Людмила. — Через прорезанное окошко в палатке удобно наблюдать и фотографировать.

Действительно птицы быстро успокаиваются и возвращаются к своим обычным делам. А мы имеем возможность наблюдать за жизнью многоликого царства пернатых.

В центре птичьего базара — плотные колонии чаек-моёвок и кайр. По окраинам поселились птицы разных видов попеременно. Кто опоздал или не смог отстоять лучшее место, довольствуются тем, что осталось.

Всё поделено, всё занято на скалах. Ни одной «квартиры» не пустует в многоэтажных каменных

домах. Настоящий город с многотысячным пернатым населением. Каждый из жильцов устроился согласно своим потребностям и запросам.

Одним нравятся высокие места, другим — низкие. Одни любят каменные террасы и уступы, другие — ниши. Так и живут птицы — в тесноте, да не в обиде.

Самые верхние этажи обычно занимают глупыши. Их квартиры на «семи ветрах» — у вершин утёсов и обрывистых скал.

От середины скал до вершин, на выступах камней соорудили жилища бакланы.

Скалистые отвесные стены приспособили под общежитие чайки-моёвки — красивые белоснежные птицы с пепельного цвета крыльями и чёрными кончиками на них. За шумный характер их называют ещё говорушками. Гнёзда лепятся к малейшим выступам камней или щелям — как только они держатся?

А вот топорки запрятались в подземелье — соорудили для жилья норы в травянистой почве, в песчаных откосах или под камнями.

Внешний облик топорков занятен. Чёрный сюртук, перепончатые лапы и клюв — ярко-красный, щёки — белые, а на голове — лимонного цвета косички. Но самое удивительное — клюв. Плоский. Острый, он и впрямь напоминает топорик. Верхняя часть его на конце загнута крючком, как у попугая. Потому их называют иногда морскими попугаями. Клюв у топорков не просто для украшения. Клювом птицы ловят рыбу, чистят перья, роют нору. Он и орудия труда, и добыча пищи, и средства защиты от врагов.

Голые каменные террасы и карнизы, а порой и плоские макушки невысоких скал облюбовали кайры. Это — одни из самых многочисленных представителей птичьих базаров. Внешне они напоминают пингвинов. Чёрный фрак, белоснежная рубашка, вертикальная поза. Только ростом поменьше.

С виду кайра тяжеловата. При ходьбе переваливается с боку на бок, как старушка. Кажется, небольшие узкие крылья не способны поднять грузное тело в воздух. С ровной площадки кайры действительно взлететь не могут. Потому птицы и селятся на обрывистых скалах. Прыгнув вниз, они набирают необходимую скорость для полёта.

Наверное, поселялись кайры по принципу: чем теснее, тем лучше. Карниз ли, терраса или макушка скалы — всё заселено настолько плотно, что камешку упасть негде. Птицы в буквальном смысле стоят плечом к плечу. Даже гнёзда разглядеть невозможно. Оказывается, гнёзд-то у них совсем нет.

Единственное яйцо кайры откладывает на камень. Голая каменная терраса или площадка — важнейшее условие для поселений. Дело в том, что скорлупа яиц имеет большую пористость и впитывает влагу — мокрая травянистая растительность была бы для них губительной.

Как же яйцо не остывает на холодных камнях? А его кайра почти всегда держит при себе. На перепончатых лапах, прижимая к пушистому тёплому брюшку. Так и высиживает птенца.

Улетает в море на кормёжку — передает яйцо супругу. А случись что — соседка приглядит, не оставит в беде.

Диву даёшься, когда видишь: яйца лежат на малюсеньких каменных пяточках, узких карнизах и даже у крутых расщелин — и не падают.

Учёные разгадали секрет такой устойчивости яиц. По форме они напоминают грушу. При толчке они не катятся, а в месте соприкосновения с каменной площадкой чуть сдвигаются по окружности. Чтобы не упасть, яйцу достаточно маленькой опоры. Чистики, ипатки, белобрюшки, конюги поделили между собой места в расщелинах скал и лабиринтах камней.

У подножья скал и на вершинах расположились крупные серокрылые тихоокеанские чайки. Им опасаться некого, они сами на кого хочешь страх наведут.

Удивительно: птицы разных видов в процессе эволюции так приспособились друг к другу, что при всех противоречиях научились вместе успешно сосуществовать и выращивать потомство.

У каждого вида пернатых свой ритм. Крупные птицы ведут дневной образ жизни. А вот мелкие — конюги, белобрюшки, качурки днём предпочитают укрытия, а в сумерках или ночью вылетают на кормёжку. Так безопаснее.

Чтобы все были сыты и не мешали друг другу, природа определила пернатым столовые на разных этажах моря и разные блюда. У одних видов птиц в меню преобладает рыба, у других — беспозвоночные, у третьих основу питания составляет планктон.

На чайчьей скале, против которой стоит наша палатка, особенно шумно. Гнёзда расположены так близко одно к другому, что без нарушения границ не обходится, а это вызывает у соседей частые конфликты. То одна, то другая моёвка срывается с гнезда, и в воздухе завязывается потасовка. Но как быстро возникают столкновения, так быстро и заканчиваются — семейные заботы не позволяют отвлекаться на долгое время.

А вот ситуация более драматичная. Крупная серокрылая чайка, парившая в воздухе, заметив что-то, вдруг ринулась вниз и атаковала небольшую группу кайр. Те не выдержали и слетели. Яйцо мгновенно оказалось в клюве разбойницы.

Как видно, идиллии здесь нет. Страсти кипят всё время. Надо уметь защититься от посягательств хищников и не дать себя в обиду сородичам. Здесь нет места слабым и плохо приспособленным к суровым условиям. Здесь всё подчинено одному — выжить!

Птицы поселяются на скалах большими группами — колониями. Порой их численность составляет десятки и сотни тысяч. Учёные подсчитали: более девяноста процентов морских птиц предпочитает колониальный образ жизни в период гнездовый.

Что же заставляет их гнездиться скопищем?

Неужели берега морей и океанов не могут свободно разместить пернатых жильцов? Вон какие огромные расстояния!..

Протяжённость береговой кромки действительно велика, но скал, пригодных для гнездовых, не

так много.

Места поселений должны соответствовать многим условиям. Прежде всего, быть безопасными и находиться недалеко от «морских огородов». Чтоб все удобства рядом были — и дом, и стол.

Излюбленные места гнездовой птиц — обрывистые берега и скалы, недоступные для хищников. Особенно привлекательны прибрежные островки и камни-кекуры. Сюда уж точно никакой наземный хищник не доберётся. А против воздушных пиратов выработаны различные способы защиты.

Но вот скала на первый взгляд такая же, как и другие, где живут птицы, — высокая, обрывистая, а жильцов на ней нет. В чём дело? Чем она не нравится птицам? Оказывается, там негде соорудить гнёзда. Скала гладкая, без щелей, карнизов, выступов. Рельеф скал становится, таким образом, определяющим для поселений.

Наконец, ещё одно условие близость скал к морю. Чтобы птенцы, когда наступит время спуска со скал на воду, смогли как можно быстрее добраться до воды. В таком случае им гарантируется большая степень безопасности, хищники чаще всего не успеют воспользоваться нападением и нанести ущерб потомству.

На берегах, низких, отдалённых от воды широкими пляжами, птичьих базаров нет. Пожалуй, лишь полярные крачки устраивают гнездовья на песчаных и галечных косах.

Но вот вопрос: не влияет ли столь большая скученность на выживание птиц? Казалось бы, чем многочисленней колонии, тем сложнее прокормиться огромному числу едоков. Минусы, конечно, есть. Но преимуществ при совместных поселениях оказывается всё же больше.

Замечено: в больших колониях птицы одновременно ведут кладку яиц и высиживание птенцов. Пример одних служит подражанием для других. Птенцы появляются на свет дружно и растут быстро.

Не отстать от соседей — вот главный принцип, которому следуют жильцы в больших колониях. Происходит взаимная стимуляция всех процессов при размножении. А кто опаздывает, отстаёт от большинства — подвергает жизнь молодняка опасности. Мелкие, разрозненные группы чаще подвергаются нападению хищников.

Вместе жить — не тужить. Рядышком друг с другом и веселее, и теплее. Ох, как важно это в условиях холодного северного лета. Чтобы согреться, птенцы кайр, например, сбиваются в тесные группы, когда родители улетают в море за кормом. А соседка присматривает за ними — караулит от хищников, а при необходимости может укрыть от холода и обогреть.

И ещё одно. Стаей птицы быстрее находят места, богатые кормом. Так что жить в сообществе оказывается выгодно и каждой птице в отдельности, и всему виду в целом.

Крутые обрывистые скалы, глубокие трещины, громадные камни-валуны ограничивают хождение по островку. Ступать здесь нужно осторожно, смотреть — в оба глаза. Иначе не миновать беды: в лучшем случае можно подвернуть ногу, в худшем — сорваться со скалы.

Для новичка здесь чуть ли не каждый шаг — опасность. Крутые скалы отпугивают, но одновременно и притягивают, будто играют с тобой: «Попробуй, заберись!»

А как орнитологам часто приходится рисковать?

Бывает, — улыбается Людмила. — Не зря говорят: охота пуще неволи. Порой заберёшься на скалу к гнёздам на такую высоту, не знаешь потом, как спуститься. Видишь, какие здесь широкие трещины и провалы? Но эти скалы очень привлекательны. Гнёзда моёвок размещены там компактно, за птицами удобно наблюдать. Дня не хватает для наблюдений — ночь прихватываем. А иногда и целиком ночь проводим среди птиц.

Вот рассказ Людмилы Фирсовой об одной такой ночи, проведённой на скале в океане:

«Это было на острове Медный. На противоположной от лагеря стороне острова обнаружили скалу с чайками-моёвками, кайрами, бакланами. То, что нужно для наблюдений. Но скалу отделяла от берега промоина — небольшая, метра три. Как переправиться? На счастье, недалеко на берегу нашли выброшенную прибоем тяжеленную доску. Притащили вдвоём с напарником, навели переправу. Но прилив мог её унести. С помощью верёвок соорудили что-то вроде подъёмного моста. Отныне можно было попадать на скалу, наблюдать за птицами. Но, возвращаясь в лагерь, «мост» приходилось поднимать. Одной это сделать невозможно, только с напарником. Но у напарника часто свои дела — он вёл наблюдения за куропатками. Однажды решила не ожидать его, а одной отправиться на скалу и остаться на ночёвку. Там был грот, где можно спрятаться от ветра и дождя. Взяла спальный мешок, термос с чаем, галеты, бинокль, фотоаппарат. Подхожу к переправе — самый пик прилива. Даже если мне удастся опрокинуть доску, её может смыть приливной волной. Я окажусь в западне. Решила переправиться с помощью верёвки, которая тянулась на ту сторону к скале, и карабинчика от рюкзака. Боязно, но решила попытаться. Обвязала себя верёвочной петлей, пристегнула карабин. Перебирая руками, съехала на тот берег. Забралась в грот. Волны здесь не достают. Прямо передо мной, как на сцене, сидят моевки, чуть выше кайры, а ещё выше бакланы. Молено наблюдать, не вылезая из спального мешка.

Замечаю изменения на скале. В верхнем углу черноногих моевок вытеснили кайры. Их, в свою очередь, потеснили бакланы — там стоят подросшие птенцы. А внизу на скале, у тёмной черты прилива, — несколько гнёзд красноногих говорушек. Если ветер усилится и поднимет волну, им несдобровать.

Забралась в спальный мешок. Ночью слышу удары волн о скалу, прямо у грота. Несколько раз выглядывала из спальника — темно, туман и ветер.

Утром, едва проснувшись, высовываюсь из спальника, бросаю взгляд на гнёзда красноногих говорушек. Увы, их нет, смыло волнами вместе с птенцами. А у черноногих моёвок, гнёзда которых выше на скале — всё нормально. Красноногие моёвки меньше черноножек и не могут соперничать с ними в конкурентной борьбе за удобные безопасные места. Они вынуждены селиться на периферии. Вот и страдают. Неслучайно, у них очень низкие показатели размножения — меньше одного птенца на гнездо. «Это очень уязвимый вид и его надо особенно беречь», — заключила свой рассказ Людмила.

К этому следует добавить: отдавая силы исследованиям в сложных условиях, проявляя сноровку

и смекалку, человек познаёт и себя, открывает слабые и сильные свои стороны, закаляет себя в испытаниях, становится крепче и сильнее.

Утром мы расходимся каждый по своим делам. Эльвира Михтарьянц ещё на рассвете ушла наблюдать конюг — они считаются птицами сумеречными, их можно видеть рано утром и вечером. Людмила решила продолжить описание пуховых птенцов моёвок, длительность различных стадий оперения. «Для чего? Составив таблицу на основании этих материалов, можно определять возраст птенцов по состоянию их оперения».

Я, как обычно, иду наблюдать за поведением птиц и фотографировать.

Солнце, выглянув из-за горизонта туманным глазом, вскоре скрылось в надвинувших облаках. Расчёт, что облачность растянет, не оправдался. Более того, вершины укутал туман. Вспомнилось предупреждение морской лодии: «В районе Командорских островов туманы наблюдаются часто, особенно в период с марта по декабрь».

Туман помешал фотосъёмке. С близкого расстояния птицы беспокоятся и слетают, а с дальнего — контуры их размываются.

Стало холодно и зябко. Без движения даже меховая поддёвка не спасает. Да и руки стынут от металлического корпуса фотоаппарата.

Понаблюдав немного за птицами, вернулся к палаткам.

Поднялся ветер. Море раскачалось, завихрились гребешки волн. Вспомнил урчание топорков накануне вечером. «Это к смене погоды», — сказала Людмила. Предсказание оправдалось.

Пошёл мелкий дождь. Мелькающие в тумане белыми крыльями чайки кажутся хлопьями снега. На календаре август, а тут глубокая осень. Сыро и зябко.

Погода помешала и орнитологам. Эльвира сказала: «Кошожки сегодня не вылетали на камни: погода ли повлияла, или палатка виновата, которая трепетала от ветра. Пришлось перейти к гнёздам топорков».

Людмила принесла маленького птенца чайки. Мокрый, пищит от холода. Она укутала его в вату и марлю, положила в картонную коробку. Он сразу же притих. Пока мы разговаривали, отогрелся, запищал, хватает клювом за палец. «Есть хочет. Ну, беги. А-го мать беспокоится». Чайка, обрадованная, что малыш объявился, тут же увела его подальше от палаток.

В тайге или на берегу моря, куда часто волны выбрасывают дрова-плавник, можно развести костёр, обогреться, обсушиться. Да и просто посидеть у огня — радость. Но на Арьем камне нет ни кустика, ни плавника, а значит, о костре даже мечтать не приходится.

В палатке-кухне сиротливо шипит голубоватый язычок примуса. Говорим о житье-бытье робинзонов. Согреваемся чаем. Но и это удовольствие приходится ограничивать — пресную воду надо экономить. Правда, её привозят на катере с острова Беринга раз в две недели. А если испортится погода? Такое здесь бывало. И не раз. По двадцать дней и по месяцу приходилось жить на пределе возможного.

«Конечно, на островок многого не завезёшь. Только самое необходимое. Но хочешь выжить — проявляй смекалку. Таков закон экспедиционной жизни». С каждым сезоном робинзоны набираются опыта.

А если случится непредвиденное? Скажем, примус выйдет из строя...

На этот случай есть паяльная лампа. Свечи, сухой спирт... Во всяком случае чай можно вскипятить, — говорят девушки.

Появляется новое и в обустройстве быта.

Когда Эльвира Михтарьянц жила на острове Топорков, то спать приходилось в палатке на надувном резиновом матрасе. Он отсыревал на земле, а просушить негде, влажность высокая. Сейчас в палатках раскладушки. Стало теплее и комфортнее. «И от клещей спасение».

Условия жизни на островке, что и говорить, экстремальные.

Сейчас легче, есть с кем перекинуться словом, обменяться мнением, наблюдением, — говорит Людмила. — Но прежде подолгу приходилось жить в одиночестве. Зато у каждой был свой остров: у Эльвиры — Топорков, у меня — Арий камень.

Единственная ниточка, связывающая робинзонов с миром, — приход катера. Его ждут каждый раз с большим нетерпением. Он привозит не только воду и продукты, но и вести с Большой земли. У Эльвиры семья во Владивостоке, двое маленьких детей, оставленных на попечение бабушки. У Людмилы родные и друзья на берегах Балтийского моря.

Жизнь робинзоном — не тяготит ли она? Всё-таки три-четыре месяца в одиночестве, вдали от городского комфорта да ещё в таких суровых условиях?

Конечно, минуты грусти бывают. Частые дожди, постоянная сырость и холода сказываются и на бытовой жизни, и на психологической. Тут не сходишь в гости к друзьям, в библиотеку или в музей. Да и просто не пройдёшь по улице, чтобы отвлечься от однообразия. Что ни говори, всё-таки это скала в океане... А человек — существо общественное.

Что же тогда тянет человека в далёкие, отрезанные от цивилизации суровые края? Тяга к первозданному, неизведанному, непознанному? Жажда новых впечатлений и новых знаний?

Я вспомнил литературный спор леди Элен с Паганелсм, её взгляды о робинзонаде, которые впоследствии Жюль Верн положил в основу своего романа «Таинственный остров». Вот этот диалог:

«— Вы воображаете себе каких-то вымышленных робинзонов, которых судьба предусмотрительно забрасывает на превосходно выбранные острова, где природа лелеет их, словно избалованных детей...

Как, вы не верите, что можно быть счастливым на необитаемом острове?

Нет, не верю, человек создан для общества, а не для уединения. Одиночество породит в нём лишь отчаяние...»

Я спросил Людмилу, как она относится к этому спору.

— Видишь ли, леди Элен смотрела на Робинзона как на человека, брошенного на остров волей

случая и вынужденного там бороться лишь за выживание. А Паганель — человек, жадно стремящийся к познанию мира природы. Для него оказаться на острове — счастье, возможность отдать себя исследованиям. У него есть цель — принести пользу науке.

Устремления девушек были подстать увлечённости Паганеля. Каждый день на маленьком пятачке суши в океане был насыщен работой интересной для них и полезной для науки.

Здесь, на островке, где сосредоточены многочисленные стаи птиц, воочию можно наблюдать великое таинство природы — рождение новой жизни. Словно в спектакле, акт за актом развёртываются события — звенья в цепи рождающегося нового поколения. Перед глазами предстаёт мир пернатых со всеми страстями и противоречиями. Бурная весенняя радость любви. Брачные ритуалы. Борьба за семейный очаг. Появление потомства. Воспитание подрастающего поколения. И, наконец, спуск на воду, полёт в большой мир странствий, полный радости, волнений и тревог.

Миллионы лет всё повторяется в океане ясизни. И каждый год появляется что-то новое, неизвестное. Надо только уловить, понять, расшифровать информацию наших соседей по планете, закодированную в их голосах, движениях, позах, знаках, символах.

В ясизни птиц столько интересного, обо всём хочется узнать, — говорит Людмила. — Если погода позволяет — весь день проводишь на наблюдательной точке. Скучать здесь почти некогда. Всё надо проследить, зафиксировать, промерить, взвесить.

В отличие от птиц, гнездящихся в лесу, на лугах, в тундре, скрытых от глаз человека, на «птичьих базарах» ясизнь предстаёт открытой для наблюдателей. Успевай только подмечать и делать выводы. Так, во всяком случае, кажется.

Не всё так просто, — замечает Людмила Фирсова. — Да, многое в поведении птиц доступно для наблюдений. Брачные ритуалы, сцены семейной жизни. Чётко можно регистрировать сроки гнездования, время кладки яиц, появления птенцов и спуск их на воду. Но нужны длительные наблюдения. В зависимости от погоды сроки эти могут сдвигаться до двух недель.

У птиц, гнездящихся в норах, укрытиях среди камней или ведущих ночной образ жизни, проследить многие ясизнейные процессы сложно. Родители прячут птенцов глубоко в норах. Малейшее беспокойство — и они могут бросить гнездо. Но ещё сложнее — уловить и расшифровать значение сигналов, определяющих жизнь в сообществе. Людмила подробно посвящает меня в сложную систему этих сигналов — демонстрационных поз, движений и звуков. При защите гнездового участка — одни позы и звуки, при брачных ритуалах — другие. У серокрылых чаек это втягивание головы в плечи, сгорбленная поза, подёргивание головой, отворачивание. И звуковые сигналы (долгие крики, воркование, писк). Каждое действие побуждает соседа (партнёра, птенца) к ответной реакции. Например, птенец начинает клевать красное пятнышко на конце клюва у родителей («хочу есть»), и те отрывают ему порцию корма. Расправленные крылья и топтание на месте у гнезда — сигнал для соседей: «вы приблизились на опасное расстояние, нарушите границу — буду атаковать». А при полёте одного из супругов к гнезду происходит своеобразный обмен «паролями», которые

удостоверяют родственные связи птиц. Чужак, неправильно ответивший на пароль, не будет допущен в дом.

— За несколько сезонов я научилась лишь кое-что понимать по голосам чаек, — говорит Людмила.

Природа ревностно хранит свои тайны. Только длительные, систематические и кропотливые наблюдения позволяют понять сложные взаимоотношения в птичьих колониях.

Ежегодно орнитологи, изучающие морских птиц, отправляются в дальние экспедиции. Они высаживаются в труднодоступные места, на скалистые берега и островки, имея с собой нехитрое снаряжение: палатку, рюкзак, бинокль, фотоаппарат. В резиновых сапогах и штормовках, с рюкзаком за плечами пробираются они к местам гнездовий птиц, по крупцам собирая сведения о жизни пернатых.

Сложности кочевого быта, штормы и циклоны, а порой и опасности преследуют их. Но всё преодолевают исследователи, увлечённые своим любимым делом.

Более шести тысяч километров — на лодках вдоль побережья полуострова, пешком и с рюкзаком за плечами прошёл камчатский зоолог Пётр Вяткин, чтобы составить кадастр гнездовой морских колониальных птиц Камчатки. На карту нанесены более 160 мест «птичьих базаров», определены виды птиц и их численность.

Морских птиц острова Карагинский в Беринговом море исследовал Николай Герасимов. Мне посчастливилось участвовать в одной из его экспедиций. Передвигаясь на лодках вокруг острова, мы высаживались на берег, посещали птичьи базары. Николай Герасимов вёл учёт птиц, наблюдал за их поведением, кольцевал птенцов. Колониальные морские птицы этого острова стали темой его кандидатской диссертации, которую он успешно защитил. Евгений Лобков, работая в Кроноцком государственном биосферном заповеднике, параллельно с изучением наземных птиц Камчатки, вёл исследования различных сторон жизни морских птиц. Ныне Евгений Лобков — доктор биологических наук.

А зоологи Юрий Артюхин и Владимир Бурканов составили определитель «Морские птицы и млекопитающие Дальнего Востока России» — пособие, необходимое и учёным, и хозяйственникам, и рыбакам, и работникам службы охраны, и краоведам.

И все они с восхищением говорят о масштабной работе своего старшего коллеги из Владивостока, доктора биологических наук Вячеслава Петровича Шунтова, обобщившего результаты исследований в книге «Птицы дальневосточных морей России». Работая в ТИЕIRO и занимаясь изучением рыб, он в течение десятков лет попутно вёл наблюдения и за морскими птицами. И если кандидатская диссертация его стала результатом исследования рыб, то докторскую он посвятил морским птицам.

Учёный проследил распределение и кочёвки птиц в морях в зависимости от географических условий, времени года, наличия пищи, их роль в морских экологических системах, обосновал

рекомендации по их охране.

На тысячи километров от Владивостока до Берингова пролива протянулись берега Дальнего Востока России. Их омывают волны Тихого океана, Берингова, Охотского и Японского морей.

Загадочной и таинственной выглядит извилистая линия границы земной суши и морей. Но если пройти на корабле вдоль кромки земли, взору откроются берега во всём величии и первозданной красоте. Скалы и островки Приморья с шапками пышной растительности. Черета мысов и падей Сахалина. Склоны горных кряжей Охотоморья. Вулканическая цепь Курильского архипелага. Причудливые бухты и фиорды полуострова Камчатки. Туманные Командорские острова. И так до Берингова пролива, разделяющего два материка — Азию и Америку.

Суровые, скалистые берега... Пустынные зимой, они с наступлением весны оживают. Миллионы птиц, странствующих по морским просторам, оккупируют их, поселяются на обрывистых скалах, чтобы дать жизнь потомству. Узкая полоска на границе суши и моря превращается в арену жизни. Мельканье крыльев, «столпотворенье» на скалах, оглушительные неумолкаемые голоса... Неслучайно эти шумные скопища пернатых получили ёмкое название — птичьи базары.

На берегах северных морей Тихоокеанского бассейна гнездится 40 видов морских птиц. Больше половины составляют птицы семейства чистиковых (кайры, топорки, коиюги, белобрюшки, старики, ипатки).

По оценке исследователей, побережье дальневосточных морей населяет двадцать восемь миллионов птиц.

Летом численность пернатых значительно возрастает за счёт гостей из южного полушария. Самые массовые пришельцы — тонкоклювые буревестники. Как и альбатросы, и тайфунники, они выводят птенцов в южных широтах, а сюда прилетают для откорма — в северных водах летом наступает период бурного размножения мелких рачков и другой живности. Корма столько, что его хватает и для хозяев, и для гостей. Неслучайно, например, в Охотском море постоянно поддерживается высокая численность глупышей, кайр, кошог, моёвок — по миллиону штук и более. Здесь же, в Охотском море, и самые большие птичьи базары на Дальнем Востоке — на Ямских островах у магаданских берегов.

Высокая концентрация пернатых приурочена к шельфовой зоне, к очагам повышенной биологической продуктивности морских вод.

Взгляды на морских птиц, только как потребителей рыбы и других продуктов моря, в последние десятилетия сильно изменились.

На рыбу приходится примерно половина пищи, потребляемой птицами. При этом добычей становится в основном непромысловая — мелкая, не образующая крупных скоплений, ослабленная болезнями и недостатком пищи. Поедая её, птицы выполняют роль санитаров.

В прибрежных зонах, где пернатые концентрируются на гнездовьях в огромных количествах, потребление рыбы естественно значительно возрастает. Но здесь велика и роль птиц в развитии

подводных оазисов. Птичий помёт, попадая в воду, служит удобрением. Легко усваивая ценные минеральные соли — фосфор, азот и другие вещества, бурно начинают размножаться мельчайшие растения — «фитопланктон», на основе которого размножается зоопланктон — мелкие рачки и другие крохотные животные, служащие пищей для рыб. А те, в свою очередь, попадают в меню морским птицам и зверям.

От бактерий, водорослей и мелких рачков до рыб, зверей и птиц жизнь в море связана единой пищевой цепью. Все звенья этой цепи влияют друг на друга. Малейшее нарушение стабильности одного из звеньев вызывает волну изменений по всей цепи.

Пернатые очень чутко реагируют на изменения в нижних этажах пищевой цепи. Скажем, в подводном мире произошёл какой-то сбой, меньше стало корма для рыб, а значит, меньше стало, например, минтая или песчанки, которых потребляют кайры. И это сразу же отражается на благополучии птиц, выживаемости птенцов. Так что птицы могут служить барометром или, как говорят учёные, индикаторами состояния морской среды и экологических систем водных акваторий.

Замечено: вблизи берегов, где гнездятся птицы, подводный мир богаче. И потому чайки и бакланы, кайры и чистяки, конюги и то- порки — все морские пернатые заслуживают бережного отношения к ним и строгой охраны в море и на берегу.

Живой мир побережий богат и разнообразен. Рядом с птичьими базарами, у подножий скал и на песчаных пляжах, образуют лежбища морские котики, сивучи, нерпы и морские выдры — каланы.

К подножью птичьих базаров часто наведываются за добычей лисицы, песцы, горностаи. А у вершин скал несут свой разбойничий дозор вороны, соколы сапсаны, поморники.

Бурые медведи весной и летом бродят по берегу, роются в водорослях, подбирают павших животных, но могут добраться и до птичьих базаров, разорить колонию птиц.

Здесь, на исхлётанной ветрами и изъеденной туманами кромке берега, не затихая ни на минуту, кипит жизнь.

Богатства морских побережий всё шире вовлекаются в хозяйственное использование, воздействие на животный мир возрастает. Учёные настойчиво подчёркивают необходимость разработки и внедрения единой концепции использования и охраны богатств морских побережий, уникального животного мира на узкой кромке суши и моря.

Сейчас, когда я пишу эти строки, у меня такое ощущение, что снова нахожусь на островке в Тихом океане. В ушах звучит шум океанского прибоя, многоголосый хор птичьих базаров. Под крики чаек я засыпал, под их крики просыпался. А утром бежал на берег океана умываться, и он щедро плескал мне в пригоршни волну за волной.

Смотрю на полку, где среди сувениров, привезённых из путешествий, лежит алюминиевое колечко — такими кольцуют птиц, и светло-серое перо чайки. Эти «сувениры» вручила мне перед отъездом с Арьего камня Людмила Фирсова. Коснувшись, словно шпагой, кончиком пера пишущей ручки моего плеча, она сказала: «Отныне ты принадлежишь к Ордену Арьего камня».

Членами этого Ордена стали те, кто побывал на необитаемом острове в гостях у робинзонов.